

<https://www.pnp.ru/politics/deligitimaciya-krymskogo-konsensusa.html>

13 октября 2017

ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ КРЫМСКОГО КОНСЕНСУСА

Василий Щипков

преподаватель МГИМО,
директор Русской экспертной школы

Опошление фигуры русского царя неприятно. В нашем сознании имена Николая II, его супруги и детей теперь соседствуют с темой эротики. Мы не любим издевательств над гробами, кто бы в них ни лежал — Николай, Ленин или Ельцин. Если подтрунивать над памятью ушедших, то же будут делать над тобой после смерти. И вместо слов сухих за упокой души пошлют в твой след насмешки и проклятья.

Конечно, «Матильда» совсем не так страшна, как высмеивание образов Христа и Богоматери, как перформансы в стиле 1920-1930-х, когда взрывали храмы, убивали клир и мирян. Для нашего исторического сознания фильм о трагическом времени русской и мировой истории, названный именем балерины активного поведения, — это всего лишь очередная шалость секулярного сознания. Этим занималось ещё Просвещение, разоблачая религиозные и традиционные мифы вплоть до XX века. Затем эстафету принял постмодернизм, который разоблачал уже всё, включая и сам миф Просвещения. Вся массовая культура последнего столетия заряжалась той энергией, которая возникала от разложения традиционных ценностей, святости святых, величия великих. «Матильда» пошла по старому и накатанному пути и потому не стала оригинальностью.

Почему же фильм ещё до своего выхода вызвал отторжение у большого количества людей, которые не были и не будут монархистами? Дело здесь не в православии, не в царе и не в истории. Дело в сегодняшнем дне.

Нужно назвать вещи своими именами

В текущей политической ситуации «Матильда» — первая попытка делегитимации присоединения Крыма к России, разрушения той беспрецедентной консолидации российского общества и власти, которую

назвали «крымским консенсусом». Крымский консенсус — это горячее желание общества преодолеть исторические разрывы между царской, советской и современной Россией, это желание вернуться в большую страну и большую историю, это стремление сохранить дух Бессмертного полка в течение всего года, это желание обновиться и жить дальше. Это не только единение общества на основе патриотизма и традиционных ценностей, но и ситуация, когда власть и социальное большинство думают в одинаковом ключе, ощущают себя единым целым. Каждый месяц жизни в этом консенсусе ведёт к накоплению того историко-символического ресурса, который в будущем позволит пережить не один год кризиса.

Дело совсем не в очередном гламурном фильме, содержание которого после показа никто обсуждать не будет, а в страхе потерять крымский консенсус, в основание которого было положено так много усилий за последние 17 лет. Социальное большинство может любить или не любить царя, но на уровне интуиции воспринимает агрессивное и безапелляционное лоббирование этой картины как предательство. Не царя — себя.

В связи с этим информационный конфликт вокруг фильма «Матильда» приобрёл в информационном пространстве выраженное политическое звучание. Главной заинтересованной стороной конфликта являются протестно-либеральные движения в их широком, мировоззренческом значении. Одна из стратегических задач протестно-либеральных кругов в сегодняшней России — остановить продолжающийся процесс консолидации общества, не допустить закрепления нового консенсуса на основе традиционных ценностей, вернуться к старому, либеральному консенсусу.

В период 2014-2017 годов в российском информационном пространстве не возникло ни одной темы, которая бы представляла значимую угрозу для нового консенсуса. С этого времени протестные либералы испытывают нехватку сюжетов для развития активности. Ни одна из заявившихся ими тем (санкции, реновация, Навальный) не смогла стать достаточным информационным поводом для возвращения общества в состояние до 2014 года, когда каждый скандал или громкое событие вызывало существенное напряжение в обществе (Pussy Riot, Болотная, дискредитация Олимпиады в Сочи).

Раньше удавалось искусственно поддерживать постоянный градус конфликта между властью и обществом, поэтому любой инфоповод сразу становился полем битвы между ними. Теперь это не работает. Поэтому протестно-либеральные игроки хотят выбить систему из информационного равновесия — нужна серия новых конфликтов, которые будут касаться глубинных социальных основ. Они стремятся создать образ государства, настроенного против традиции, и заставить традиционную часть общества почувствовать напряжение, исходящее от государства. Уже целый месяц

традиционная часть общества испытывает это напряжение. Если оно сохранится, то мы не заметим тот момент, когда общество откатится в психологическое состояние 2013 года. Это будет означать конец сложившегося консенсуса.

Характер и стилистика последних публикаций и комментариев о формировании в России якобы «православного экстремизма», «православного ИГИЛ» (ИГ, «Исламское государство» — запрещённая в России организация. — Прим. ред.), свидетельствует о том, что эта тема рассматривается протестно-либеральными кругами как наиболее эффективная для борьбы с возникшим консенсусом.

Негативный сценарий развития ситуации выглядит следующим образом:

1. Протестно-либеральные игроки продолжают защищать и поддерживать культурные акции (фильмы, выставки), осуществляемые в том числе за государственный счёт и продвигающие неоднозначные или выражено провокационные идеи в отношении традиционных ценностей, норм морали, исторических событий и ключевых фигур. Активное использование государственных средств и одновременно обвинение государства в цензуре и давлении на свободу творчества («Нуреев») ограничивают возможности государства по противодействию этим процессам («Матильда»), а иногда вынуждают представителей власти прямо поддерживать неоднозначные произведения искусства. Поскольку традиционное большинство перестаёт чувствовать защиту своих чувств со стороны государства, оно ищет альтернативные инструменты защиты.

2. Протестно-либеральные круги параллельно создают два противоположных и искусственных образа государства: для традиционного российского большинства — образ государства, которое якобы не может защитить своих граждан от оскорбления; для зарубежной и либеральной аудитории — образ государства, которое якобы с опорой на Церковь и традиционные ценности воспитывает в обществе экстремистские настроения. В результате в информационном пространстве фактически возникает ощущение двух государств и мировоззренческого раскола властных элит, а также раскола общества вследствие этого.

3. Далее у протестно-либеральных кругов возникает спрос на факты насилия в обществе. Ими осуществляется косвенная поддержка (через провоцирование) различных радикальных групп, в том числе искусственных «групп-однодневок» (например, «Христианское государство»), которые совершают преступления, оправдываясь патриотической риторикой. При этом подобные экстремисты выступают против укрепления официальной

государственной и церковной властей и становятся органичной частью протестного движения.

Протестно-либеральным кругам выгодно, чтобы экстремистов громко сажали. Они будут обвинять государство и Церковь в поддержке экстремизма и одновременно объявлять осуждённых «узниками совести», пострадавшими от властей за религиозные убеждения. В итоге этот двунаправленный и противоречивый процесс — борьба за свободу искусства и поддержка радикалов — создаст состояние непрекращающейся провокации, вселяющей вражду между властью, обществом и Церковью. Протестно-либеральное движение будет продолжать оказывать давление на государство и одновременно провоцировать радикализм в обществе. Государство же продолжит борьбу с радикализмом, со временем неизбежно ставя под своё подозрение широкий спектр патриотических и православных организаций. Фактически в информационном пространстве возникнет искусственная ситуация противопоставления государства и традиционного социального большинства, что приведёт к взаимному недоверию и обозначит конец крымского консенсуса.

Ранее этот механизм был обкатан, например, на «Русском марше» (Россия), «Правом секторе» (Украина) (запрещённая в России организация. — Прим. ред.). В обоих случаях революционно настроенные круги, выступавшие за «европейский», либерально-демократический, глобалистский путь развития, одновременно поддерживали и вступали в союзы с националистическими и другими радикальными организациями изоляционистского характера. Возник распространённый сегодня феномен «либерал-национализм», оправдывающий радикальных националистов, действующих в интересах либералов. Этот союз основывался не на общих ценностях, а на общей цели — демонтировать действующую систему власти и общественных институтов. Поэтому протестно-либеральные движения заинтересованы в создании «православных экстремистов», пускай виртуальных, для использования их в противостоянии с действующей властью и официальной Церковью (обвиняемой в сервильности).

Идея создать «православных экстремистов» и использовать их в протестной деятельности была сформулирована в начале 2016 года, после встречи Патриарха Московского и Папы Римского в Гаване. Тогда управляемая фундаменталистская истерия на пустом месте докатилась до призывов бороться со священноначалием и Церковью, которая обвинялась в «экуменизме». Протестно-либеральные круги тогда даже стали изучать, сколько в России на самом деле агрессивных фундаменталистов, которые готовы к открытой борьбе с официальной Церковью, но выяснили, что сущие единицы. Как и теперь выяснилось, что «Христианское государство» состояло из двух человек. Тем не менее протестно-либеральные круги тогда поняли, что даже эти отдельные люди способны на многое, если поддержать

их и направить в нужное направление. Ведь любой терроризм, включая культурный, совершается единицами, а влияние оказывает на всё общество.

Конечная цель этого процесса — разрушить складывающийся крымский консенсус. И царь тут ни при чём.